

Пусть дивятся друзья и подруги:
Из каких, мол, столетий летят
Эти брови, крутые, как дуги,
Этот вдаль уплывающий взгляд!

На снимке Александра Каслова
Марина Костюкевич, журналистка Читинского радио. ■

Вначале было Слово...

ЧИТА литературная

Литературно-художественное приложение к газете «Азия-Экспресс»

№ 6 Февраль—март 1997 г.

РАЗУМНОЕ, ДОБРОЕ, ВЕЧНОЕ

Тот, кто прикоснется к 100-летней истории первого ученого общества нашего края — Читинского Отделения Приамурского Отдела Императорского Русского Географического общества — поймет самое сокровенное желание и завет его основателей. Им, бессребреникам и подвижникам науки и культуры, больше всего хотелось, чтобы не прерывалась нить изучения, исследования Забайкалья. И чтобы в основанных ими музеях, библиотеках, выпестованных учебных заведениях никогда не гасла научная, творческая мысль.

Время всегда беспощадно к людям. Бывало, что в этой научной организации гасла всякая мысль, всякое живое движение. И само общество порой уходило в небытие. Но — странное дело — тогда вдруг появлялись, словно искры во тьме догоревшего костра, удивительные люди. Неугомонные подвижники. Писатели Е.Д. Петряев, О.А. Хавкин, Жамьян Балданжабон. Краевед П.Н. Злопов. Патриоты библиотечного дела А.А. Новосельская, Ф.И. Блюмкина. Потом — геолог, географ, журналист и издатель А.И. Сизиков. А вместе с ним энтузиасты краеведческих поисков — историки Л.Ф. Берсенев и Ж.Д. Дорижев, журналист А.М. Алешкин, деятели медицины Козлов и К.И. Журавлева, географ И.М. Осокин, самозабвенный исследователь флоры и фауны Забайкалья Е.И. Павлов. За ними — новое поколение географов, краеведов: Б.Р. Рабдано, М.Ю. Тимофеева, А.А. Недешев, А.И. Смирнова, Ю.Т. Руденко, и писатель Г.С. Донец, один из организаторов Отделения аборигенных и самобытных народов. В разное время они воссоздавали Географическое общество Читы или же надолго освещали его путь своим организаторским талантом и личными поисками, находками.

Всю эту богатейшую летопись имен, документов и фактов, откровенных отчетов о взлетах и падениях Географического общества края, статей о прошлом и современном научном поиске собрал и представил читателю в 4-х книгах 130-ый юбилейный выпуск "Записок Забайкальского филиала РГО".

В наше время такой моральной и материальной поддержки властей, как в Чите, издания Географических обществ не имели нигде в России. В этом смысле Чита стала родником особого опыта: как опираясь на труд общественников, можно начать и завершить большое реальное дело. Как даже в самое смутное время можно призвать к жизни и поставить на службу обществу все Высокое, Разумное, Доброе и Вечное.

Елена КУРЕННАЯ-БЕРЦИК,
редактор издания.

КРАСНАЯ СТРОКА

Ольга Коваленко

...Сейчас я суетлива, я верчусь
Пред зеркалом,
я радуюсь покупкам.
Но изредка глядит легко и жутко
В меня другая. И бормочет:
"Пусть...
Пусть пляшет. Мучается, лжет.
К груди детей вихрастых
прижимает.
Такая гибкая пока еще, живая,
И пусть живет,
и пусть себе живет.

* * *

Мороз — насквозь.
Лыжня несет
Вдоль звонких стылых сосен
Туда, где солнца колесо
Лучи бросает в просинь.
Овраг — карнизов снежных ряд
Нерукотворной лепки...
У-ух, вниз! И — речки ровный плат
Во всем великолепьи!..
И вряд ли вспомнится когда:
Озябнув, пальцы ныли...
Но длится, длится сквозь года —
Полет в искристой пыли!

Монолог одинокой женщины

Не суди, что строга не по чину.
Отыскать я сумею причину:
Потому что слеза горяча,
Что надежного нету плеча,
Что усталость
с бессонницей дружат...
Но завидовать той, что не тужит?
Ни за что. Безнадежное дело
Посягать на чужие наделы.
Будет срок — горечь-муть
отстоится,
Станет чистой, целебной водица.
Родниковой водой из колодца
Напою еще, если придется...

* * *

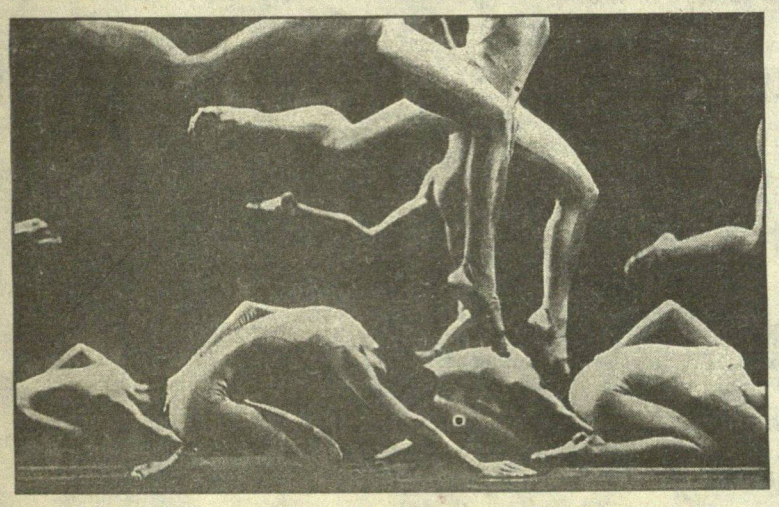
Идет состав по первому пути,
Мешая гарь вокзальную с туманом.
Спит в зале на потрепанном
диване
Бомж старый и девчушка лет пяти.
Под взглядами текучими прохожих
Спят, съежившись —
здесь холодно с утра.
А девочка с моею дочкой схожа...
И сердце екнуло.
Но в путь уже пора.
Дела, дорога — кануло. Осталось:
Вокзал раскинул чадные крыла,
Дверь хлопала, и стекла в такт
качались,
И сиротливо девочка спала...

* * *

И никто не подскажет, как быть.
Слишком вечен, банален вопрос.
За тобой невидимкою плыть,
Не скрывая мучительных слез.
И преградой невидимой стать
Меж тобой и разлучницей той...
Не дыша, рассыпать, рассыпать
Яблонь цвет над твоей головой.
Окликать тебя посвистом птиц,
И — спасать, и спасать от беды.
И упасть тенью облака ниц
На твои горевые следы...

* * *

Ночь. Окно над мостовой.
Во хмелю — нестройный вой.
Дым табачный. Визг и гам.
Взгляд бесстыжий по ногам.
Дрожь захватанных телес...
А в окне — хохочет бес.

В НОМЕРЕ:

Алексей Русанов

Сон был сладостным и бесконечно счастливым. Он обнимал Фросю, прижимаясь к ее мягкому теплому телу.
Телега качалась, скрипела.
—Тпру-у-у!—сказала девушка...

Екатерина Сидорова

Задумываясь над жизненной суетой, современный человек все чаще стал обращаться к Богу. Каждому хочется знать: что же такое счастье, для чего человек появляется на свет, чтобы снова уйти в небытие?

Борис Комиссаров

Что же мог узнать я в эпоху цензуры, партийно-однобокой идеологии и информационного голода, живя не в Москве и даже не в Чите, а в захолустном Сретенске? В том старинном, купеческом, партизанском, таежном, без единого коммунального удобства, но с богатой историей и музеем городке?

Александр Алешкин

В августе 1584 года сибирский хан Кучум неожиданно напал на дружину Ермака и уничтожил ее.
Спасаясь от преследования, Ермак бросился вплавь к стругу, но утонул под тяжестью кольчуги в Иртыше.

Виктор Сериков

«Моя книга о Рубенсе" В.И. Серикова будет, как нам представляется, интересна и полезна широкому кругу читателей: учащимся старших классов, учителям, студентам,—всем, кто интересуется изобразительным искусством, его историей.
Л.Б. Соколовская, профессор ЧГПИ.

ШКАТУЛКА ТЕАТРАЛА

Журналист Светлана Сосновская работала на телевидении, в редакциях областных газет, сотрудничала с московским журналом "Театральная жизнь", газетой "Известия". Из своего личного архива 70-х — 80-х годов, а также архива своего супруга, известного фотомастера Семена Бортника, Светлана предложила ряд публикаций специально для "ЧЛ" под рубрикой "Шкатулка театрала".

■

Нет нужды представлять Юрия Соломина, ставшего феноменально популярным после демонстрации киноленты "Адъютант его превосхо-

дительства", с ошеломляющим успехом прошедшей за рубежом. Миллионы зрителей надолго запомнили яркое дарование нашего земляка, недавно отметившего свое шестидесятилетие.

ЮБИЛЕЙ-97

Фоторабота Виктора Дианова на праздновании 60-летнего юбилея писателяЕвгения Евстафьевича Куренного

●

Дай тебе Бог, Женя, крепкого здоровья и творческого безусловного долголетия. Благополучия тебе и твоей семье.

Редколлегия газеты "ЧЛ".

ЗА БЫЛЬЮ—БЫЛЬ

Александр Конюхов

ДАЧНЫЙ РАЙ НА УНДУГУНЕ

Григорий Григорьевич Кобяков завершил одну из своих самых замечательных книг — "Кони пьют из Керулена" и решил после серьезного и изнурительного труда несколько расслабиться.

— Саня, — позвонил он мне, — куда бы нам в глушь таежную? Нервы привести в порядок. А?

— Если нет возражений, то лучше окрестностей Ундугуна не найти, — ответил я. — Девственная природа. Дача на самом берегу…

В этом месте он перебил мой монолог вопросом:

— Почему "девственная"? И, отродясь в тех местах ни о каких дачах не слыхивал.

— Действительно, кругом тайга. Но жить придется со скотами…

— С какими еще скотами?

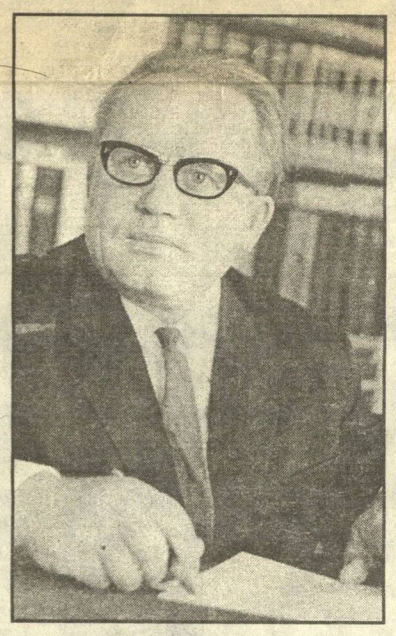
— Если точнее, то с коровами и телятами. Премилые животины. В прошлый заезд один пучеглазый бычок, пока мы со Степаном, старшим скотником, около жердевой изгороди загона про житье-бытье рассуждали, конец полы у моей бекеши сжевал… А дачей мы зовем сам домик о двух комнатах и кухней, прилегающими к русской печи. Кровати солдатские с панцирными сетками. Соломы — завались… А сколько желающих расслабиться?

— Я, ты, Георгий, Евгений и шофер. Итого, пять душ. Места хватит?

— Если четыре кровати сдвинем попарно и "души" будем укладывать поперек, то вполне обойдемся.

Называя "Георгий", он имел в виду Георгия Рудольфовича Граубина, а "Евгений" — Евгения Евстафьевича Куренного. Не мало мы с ними побродили по нашей тайге. "Писательский" народ оказался на редкость неприхотливый и быстро адаптирующийся к суровым природным условиям.

Был случай. Ночевали как-то в конце сентября под открытым небом в верховье Кахюрты, малюсенькой речушки, впадающей в Кручину. Речушку уже сковало льдом. Местами она курилась обширными наледями. Сплошного снега, правда, еще не было. Но холод, по выражению одного из писателей, стоял собачий. На нас же ничего теплого не было. Обыкновенные телогрейки, лыжные костюмы, сапоги или спортивные ботинки на пару размеров больше, со стельками из войлока. Всю долгую ночь прокрутились на жухлой таежной подстилке у костерчика.

Выпадают в иной год в январе прекрасные теплые деньки, когда с заснеженных крыш вот-вот упадет капель. Таким и оказался день выезда на Ундугун. К домику скотников мы прибыли в средине солнечного дня. Без помех я перезнакомил приезжих со сменной бригадой беклемишевских пастухов.

Устроились, как и планировалось с ночлегом. И какая это прелесть — толстый слой соломы, поверх наши шубы, на шубах — мы. Домик теплый и ухожен не хуже дачи. И еще одно определение: "Если есть рай в этих краях, то он именно здесь!"

После непродолжительного обеда, Степан посоветовал порыбачить на трещине. Это — метрах в ста от берега — длинной полосой лопнул лед, и образовалась щель в ладонь шириной.

Клевало хорошо. Рыбаки то и дело взмахивали руками, выбрасывая очередного красноперого окуня на лед…

Зимний день короток. Мы после ужина с удовольствием растянулись на импровизированных соломенных кроватях. А Григорий Григорьевич всю ночь просидел со Степаном на кухне. Он умел слушать и понимать собеседника. Расстались они большими друзьями. Степан со своим открытым и добрым характером очень понравился умудренному жизнью писателю. И он наверняка примерял Степана на героя очередного произведения…

Вскоре после поездки на Ундугун, я был в гостях у Кобякова и сфотографировал его в домашней библиотеке.

НА СНИМКАХ:

1. Юрий Соломин в Чите. 1971 г.
2. С писателем В.И. Балябиным в кинотеатре "Удокан". 1986 г.
3. С дочерью Дашей в Читинском аэропорту. 1986 год.

Текст и фото Светланы СОСНОВСКОЙ.

КАК АУКНЕТСЯ

И ЗАБЫТЬ СУЕТУ…

Три часа до Читы.
Три часа моего нетерпенья.
Браво, аэрофлот!
Я спускаюсь по трапу с небес.
Ах, друзья-забайкальцы!
Пред вами свое появленье
Я и сам причисляю
К разряду великих чудес…

Эти добрые строки принадлежат Владимиру Тыцких, ответственному секретарю Приморской организации Союза писателей России. На этот раз он явился в Читу не сам, а своей книгой "У русского Босфора".

Владимир Тыцких — тонкий лирик, его перу подвластны изящные состояния природы и тончайшие движения души:

Зима-россияночка,
белым летучим обвалом
С приплясом, с присвистом
кружась над землей и паря,
Три дня и три ночи,
начав с Покрова, бушевала
И вдруг, обмирая,
с небес опустилась устало,
И тихая-тихая встала
над миром заря.

В новом сборнике более всего стихов, в которых осмысливается долгий исторический путь России, давнее и недавнее время, нынешние катаклизмы. "Поэзия и философия сродни", — заметил еще в древности Аристотель. Владимир Тыцких еще раз подтверждает это. По его стихам будущим историкам и философам вполне можно осмысливать какими мы были в сегодняшнее время, чем дорожили, на что опирались в своих надеждах.

И воскресаю,
словно в страшном сне,
И темные века глядят мне в спину,
Дивясь,
что живы до сих пор во мне
Рязанский смерд
и темник Темучина.
("Воспоминания у Каракарума").

Родовые корни поэта — в кержацких, староверческих селениях на Алтае. Он учился в военно-морском училище на Украине, служил на Балтике.

О как солнце палит!
Что ему заплатить за услугу?
Беловежская пуща…
Горят между нами мосты…
Что же я напишу
Стародавнему флотскому другу
В город Санкт-Петербург
И сестренке в аыл Алматы?..
("Ненаписанные письма").

Сколько людей растерялось в наше трудное время, но поэт выстоял сам, помогая выстоять другим — личным участием во множестве судеб, сохранением Приморской писательской организации, своим творчеством. Он черпает силы в истории Родины, в ее духовных истоках, воинских традициях. Поседел, погрустнел, но выстоял.

Хранит его Господь!

Виктор СЕКЕРИН.

Александр Щукин

НИМЫЧ

Их двое было — отец и сын. 37 лет и 9. 46 на двоих, по 23 на каждого — отличный возраст для похода в горах… К двум годам он стал звать себя Ним, а старшие прозвали Нимыч.

…Они обедали. Нимыч спрашивал о штурме горы, с которой отец только что спустился. Обсуждали планы на оставшиеся дни, на будущее. Сын радовался успеху отца. Тот встал с камня, обнял его за плечи и, глядя разом на все пики ближайшего хребта, ответил:

— Погоди, Нимыч, вот чуть подрастешь, все вершины будут наши… А сейчас надо бы поспать часика два, завтра тоже день будет нелегкий, — только теперь он начал ощущать усталость, она нарастала с каждой минутой. Захотелось спать.

Кто знал, что самые серьезные тяготы дня были еще впереди, что через полтора часа начнется 12-часовое испытание человеческой прочности. А пока пили чай, разговаривали… И не пустяшный разговор получился, а такой, от которого сжалось родительское сердце и заставило понять, какое взрослое восприятие всего происходящего поселилось в душе его сына.

— Без тебя здесь как-то грустно было, — начал Нимыч задумчиво и продолжил, — я сначала встал, позавтракал, потом играл около палатки. Наверх глядел-глядел, но так и не увидел тебя. Один раз только какая-то точка на снегу мелькнула.

— А где?

— Вон там, где уголок, — и показал рукой на один из снежников.

— Ну правильно, я как раз там проходил, — отец ответил и подумал. — Ведь надо было безотрывно смотреть, чтобы увидеть где-то наверху движение точки на снегу.

— Хотел на вершине увидеть, — с грустью и вздохнув добавил ребенок.

— За тем снегом, Нимыч, меня уже не было видно. Да и вершина отсюда тоже не видна.

— Ну, короче, после того, как бараны приходили, я играл в палатке и заснул.

После паузы он продолжил:

— Ты же в шесть часов вышел? — начал решительно и как-то целенаправленно.

— Нет, в половине девятого — я же говорил тебе, будил.

— Но собирался-то в шесть и говорил, что самое долгое поднимешься и спустишься за 12 часов. Значит в шесть вечера должен был вернуться.

— Н-у да…

— А если бы не вернулся, я бы понял, что с тобой что-то случилось и пошел бы к геологам за помощью.

Вздрогнула отцовская душа. Накануне за ужином Нимыч спросил: "А если ты завтра где-нибудь сорвешься, сломаешь ногу или еще что случится?"

"Значит ты пойдешь к геологам за помощью. Дорогу знаешь, тем же путем", — ответил отец как можно спокойнее, а сам подумал: "Со мной ничего не должно случиться, так же, как и с ним". Слова эти в мыслях прозвучали как установка, как приказ. Холодок по коже пробежал, но всерьез слова сына не воспринял, а теперь снова в мыслях мелькнуло: "Неужели так серьезно воспринял вчерашний разговор?" — и уже вслух непринужденно и с недоверием спросил:

— А у тебя часов нету. Как бы ты определил, что 6 часов настало?

Нимыч же продолжил на полном серьезе:

— По солнышку…

Отец с недоверием и облегчением глянул на сына — "фантазирует". Но тот продолжал:

— Ты же вчера весь день время высчитывал, да и в карту смотрел — вот я и заприметил.

"Это уже слишком" — в мыслях,— но опять спросил:

— И где же оно в 6 часов должно быть? — "Сейчас махнет, куда не попадя", — а он:

— Вот здесь, — и уверенно ткнул рукой в сторону кромки ближайших за Апсатом гор, вверх, в небо. Отец невольно про себя: "Во дает!.. А ведь мы же как раз с шести до половины седьмого, до этого места, шли на солнце… Ей богу, мог уйти…" И уже вслух, снова с недоверием и даже безразлично:

— Но день-то с обеда пасмурный.

— Ну-у… тогда бы я просто почувствовал, что прошло много времени, и надо идти к геологам.

Уж вздрагивала у отца душа и холодок по коже пробегал, а тут стала нарастать какая-то тревожно-щемящая боль в груди. Он продолжал выяснять серьезность намерений сына и спросил как экзаменатор:

— И как бы пошел?

— Как сюда шли, точно тем же путем. Только бы поднимался не там, где спускались, там очень круто, а во-он по той гриве, — и показал действительно более легкий вариант подъема на противоположный массив.

— А как бы переходил через Мускунах?

— Там же, где ты меня переносил, но только чуть повыше. Там камушки видны — мельче значит.

— Ну а переходил-то бы как?

— Ну как?.. Подошел бы и пошел, — Нимыч, не понимая, что хочет узнать отец, смотрел на него внимательно.

— Прямо так подошел и побрел бы?

— Ну да, — и добавил, как разумеющееся, — с палкой, конечно же. Сначала бы глубину мерил, а потом уж шагал.

— Молодец. Все правильно, — подытожил отец, а самому жутко стало при мысли, что, задержись он с вершиной, прийди чуть позже…, а сына нет. Представил свое состояние и его, пока он ждал и, если бы не дождавшись, пошел все же. Как бы поступил, догадался бы сразу или нет?

Скорее, что первое время попытался бы найти его в окрестностях, среди складок основания горы-пирамиды. Но скорее все-таки понял бы и стал высматривать его на противоположных склонах — дальше он не ушел бы. Потом может быть докричался, но в любом случае догнал.

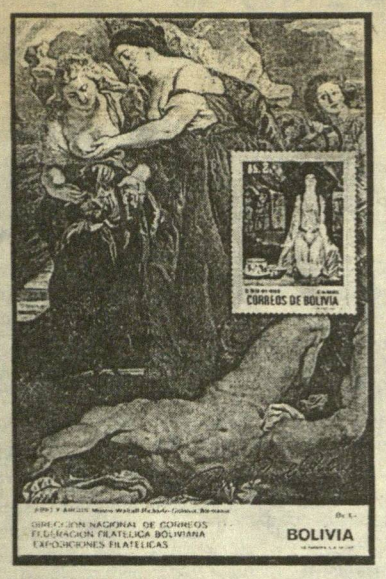
Тяжело ему стало от вины перед маленьким человеком за принесенные ему переживания. Уже не оставалось мыслей о том, что с ним могло что-либо случиться. Они остались во вчерашнем дне. Но то, что в последние часы гнездилось в сознании сына, его чувства, не по-детски взрослое восприятие опасностей и возможно необходимости оказания помощи отцу были предельно реальны. Они были на грани, когда могли бы все им сказанное привести в движение.

"А идти-то ему пришлось бы под вечер, в ночь…"

— Нимыч, но ведь ты не дошел бы к геологам до темноты?

— Шел бы всю ночь, пока не пришел, — сказано было по-взрослому, решительно и твердо.

"Он бы сделал это… тем более ночи-то лунные".

"Моя книга о Рубенсе" В.И. Серикова имеет подзаголовок "Путеводитель по филателистической экспозиции". И это действительно путеводитель, но не только и не столько по экспозиции, сколько по яркому, праздничному и удивительно земному, несмотря на заселенность его богинями, амурами и сатирами, миру искусства великого фламандца Питера Пауля Рубенса.

Книга ценна тем, что показывает становление и развитие блестящего представителя мировой художественной культуры и как человека, и как творца, на фоне событий европейской истории конца XVI — первой половины XVII веков. Автор ведет читателя по жизни своего героя от рождения до смерти, одинаково полно освещая все этапы жизни и творчества непревзойденного мастера, одного из создателей нового для своего времени художественного стиля — рококо.

"Моя книга о Рубенсе" В.И. Серикова будет, как нам представляется, интересна и полезна широкому кругу читателей: учащимся старших классов, учителям, студентам, — всем, кто интересуется изобразительным искусством, его историей. Поэтому нужно ее непременно издать и чем скорее, тем лучше.

Соколовская Л.Б., профессор кафедры всеобщей истории Читинского государственного педагогического института им. Н.Г. Чернышевского.

ЧЬИ ГЛАЗА НА ПЕРЬЯХ У ПАВЛИНА

В последние годы жизни Питер Пауль Рубенс получает заказ, который еще раз требует от него всего богатства идей и организационного таланта в мастерской. В 1636 году Филипп IV заказал серию картин для лежащего близ Мадрида охотничьего замка Торре де ла Парада. Так как король испанский настаивал на скорейшем исполнении заказа, мастеру необходимо было за короткое время развить чудовищную работоспособность, хотя исполнение по его эскизам делали в основном его помощники и ученики. Весной 1638 года в Испанию были посланы не менее чем 118 картин, а в следующем году испанский монарх заказал Рубенсу следующие восемнадцать. Только часть этих вещей пережила пожар 1710 года, но зато сохранилось большое количество подготовительных эскизов маслом, в которых мастер наметил композицию и колорит.

К числу остроумных эскизов для Торре де ла Парада относится и "Меркурий, обезглавливающий Аргуса". Как и в большинстве других картин этой серии тема заимствована из "Метаморфоз" Овидия.

Поэт рассказывает, что Юнона (супруга Юпитера) превратила свою жрицу Ио в корову, когда узнала о ее любовных отношениях с Юпитером, и приставила к ней неусыпного Аргуса стражем и пастухом. Тело Аргуса было испещрено бесчисленным множеством глаз (по одной из версий их было сто), причем спали одновременно только два. Юпитера тронула судьба несчастной Ио, и он послал Меркурия, который усыпил многоглазого великана на флейте и рассказом о любви Пана (покровителя пастухов) к наяде Сиринге, "…а затем быстро нанес удар кривым мечом по тому месту, где голова присоединяется к шее, и столкнул его окровавленного со скал". На картине (1636, Брюссель, музей) Меркурий, держа в левой руке флейту, уже поднял меч, чтобы нанести смертельный удар по пересиленному сном Аргусу. В этом изображении все ясно — в кровавом исходе события нет никакого сомнения. Но Рубенсу, видимо, не понравилось слишком прямолинейное развитие происходящего, ему больше по душе интрига, драматический накал страстей, и в 1638 году он создает второй вариант этой картины, находящийся в Дрездене (карт. галерея). На ней Меркурий еще держит флейту у рта и, наблюдая действие игры на свою жертву, вытаскивает осторожно меч из ножен. Эта нерешительность Меркурия завершить свое дело придает картине возбуждающее напряжение.

История освобождения Меркурием любовницы Юпитера Ио не осталась без продолжения, но несколько в неожиданном аспекте.

На картине "Юнона и Аргус" у ног супруги Юпитера лежит обезглавленный страж. Перед богиней стоит павлин, которому Юнона передает глаза Аргуса. Видимо, с тех пор оперение павлина приняло тот удивительный, экзотический и великолепный вид, за который любители помещают его дома как украшение, не взирая на сведущих в суевериях людей, утверждающих, что хранение павлиньих перьев дома к несчастью.

РУСАЛКА

Борис Макаров

Полночь. Тишина. Белесое, беззвездное небо. Тусклый свет луны. На черной поверхности заветного омута белые иглы поплавков. Не клюет…

Глаза устали. Отрываю взгляд от поплавков, смотрю по сторонам. Силуэты кустов напоминают фантастические фигуры. Вон динозавр. Вон огромная голова Льва Толстого. Вон…

Что это? Метрах в двадцати от меня по́ пояс в воде стоит женщина. Матово светится обнаженный торс. Длинные, распущенные по плечам волосы касаются воды. Одна рука чуть приподнята. Русалка.

Окликнуть? Но что-то удерживает меня. Нет, не страх. Может быть, боязнь испугать ее? Не знаю. Интуитивно понимаю — ночной мир живет своей жизнью, и любое замешательство в нее неуместно.

Стараясь не шуметь, поудобнее устраиваюсь между кочек и засыпаю.

* * *

…Проснулся когда уже рассвело. Сразу взглянул в ту сторону, где купалась русалка, и увидел торчащую из воды корягу. Долго пытался разгадать, что мне в ней показалось женской головой, торсом, волосами, и не смог.

…Поплавка одной из удочек на поверхности не было. Туго натянутая, чуть подрагивающая леска, круто уходила в глубину.

Через минуту у моих ног в мокрой от росы траве лежал солидный сом — подарок за то, что я не нарушил ночную тишину и не вмешался в таинство ночи.

ПОДАРОК

Между наклонившейся над ручейком травинкой и поверхностью воды — крошечная радуга. Можно пройти мимо сотню раз и не увидеть ее. А для того чтобы увидеть, нужно присесть, наклонить голову и посмотреть на травинку, воду, на весь наш мир под определенным углом.

Я умею видеть такие крошечные солнечные радуги. А научил меня этому забайкальский писатель Геннадий Семенович Донец.

Давно, уже много лет назад, он был у меня в гостях.

В тихий, теплый летний день мы пошли прогуляться по окрестностям моего села.

Геннадий Семенович был бодр и весел. Мы не спеша шли по зеленому лугу вдоль маленькой речушки Смолки.

— Почему речка так называется? — спросил меня мой гость. — Ты местный старожил и должен это знать.

Боясь прослыть невежественным, я тут же сочинил нечто вроде легенды:

— Речка вытекает из соснового леса. Вода в ней светлая, чистая, вот людям и кажется, что течет смолка.

— Отлично! Такое объяснение — просто подарок, — улыбнулся Геннадий Семенович. — Но и я в долгу не останусь. Хочешь в любое время видеть радугу?

— Хочу!

— Так. Присядем. Наклони голову. Чуть правее, правее… Смотри на тот берег, на мысок, на травинку. Видишь?

И я действительно увидел маленькую разноцветную, пронизанную солнцем и переливающуюся на солнце, радугу.

…Течет речка Смолка. Текут сотни других рек и речушек. Течет время. Нет в живых писателя, человека, до самозабвения влюбленного в природу, Геннадия Семеновича Донца.

В моем сердце память о нем. Со мной всегда и везде его подарок — пронизанная солнцем радуга.

Спасибо тебе, друг!

Владимир Сажин

БЕРЕЗОВЫЕ КОЛКИ

Мне подарят они косачей на току,
И порадуют сказочной вестью,
Что на вешней заре, в заповедном логу,
Я услышу их вещую песню.

На теплинку — костер прикочует рассвет
С бекасиным концертом и тягой вальдшнепа,
На последнем снегу встречу заячий след
И подснежники — капельки неба.

Нет прекрасней поры. Расцветает земля,
На багульнике плавятся первые росы.
Милой отчей земле не нарадуюсь я,
Мир вам светлый, родные березы.

Людмила Мутовина

ВСТРЕЧА

Я всегда приезжала сама.
А сегодня впервые встречаю!
И бегут мне навстречу дома.
Под собой ног от счастья не чаю.

Чтобы время убить, кофейку
Мне сходить бы да выпить в буфете.
Только денег в кармане — "Ку-ку!" —
Нынче цены растут, будто дети.

Прибываю... А путь-то какой?
Кто-то крикнул: "На первый, на первый!"
И со лба пот дрожащей рукой
Вытираю. Шалят видно нервы.

Твой семнадцатый в самом конце.
Но бежать отказались вдруг ноги.
И с отчаянием на лице
Застреваю у всех на дороге.

Наконец добираюсь. Зову.
Дверь закрыта в вагон почему-то.
Может, спишь ты?
— Любимый, ау!
Мысли скачут и на сердце смута.

Все выходят. Пустеет перрон,
Только я не могу достучаться.
И смеется судьба:
нужно лезть под вагон.
Дверь с другой стороны
в мое счастье...

Марина Мыльникова

* * *

Вот опять, опять земля проснулась,
Щетка трав пробила чернозем,
С неба солнце ясно улыбнулось,
Шире стал прозрачный окаем.

Разломала лед река блестящий,
Глыбами украсив берега.

Жаворонок с песнею парящей
Проводил последние снега.

И в овраге детской тайной вешней
Делится с кустарником ручей.
И стоит над всей землей подснежник
Синий, новорожденный, ничей.

Константин Анашкин

* * *

Вновь горят закаты без огня
ярко-красным, трепетно-багровым.
Осень наступает, все пьяня
золото-оранжево-лиловым.

Бабье лето. Около реки
вечер тлеет красными кострами.

Да и люди, словно маяки
зажигают окна вечерами.

Что им шепчет рыжая листва?
У любви прощанья не бывает.
Красота спасает мир — любовь права:
тает иней... память оживает.

Владимир Топоров

* * *

Неужели нам не с руки
Отличать от волков овец?..
В старом городе — ветряки,
В новом — черные трубы ТЭЦ.
Я прищурюсь и выгну бровь,
Понимая тоску невест:
В старом городе есть любовь,
В новом городе — только секс.

* * *

Уже не сопьюсь
И в тюрьму я не сяду под старость —
Тюрьме старики не нужны.
А просто пойму,
Что друзей-то на свете осталось —
Только для чувства вины.

Бог весть какими путями в Магадан попала "ЧЛ". Откликнулся Анатолий Пчелкин, крестник Читинского семинара 1965 г., ныне известный российский поэт, переводчик.

Анатолий Пчелкин

* * *

Всему свое время. Прекрасна пора
расцвета, взросления и увяданья —
когда облетает с души мишура
и слово неспешно ступает с пера,
к перрону листа припадая.
Ты стар, а душа молода.
Твой поезд уехал. Такси не придет.
Не видно встречающих в сонме сующих.
Нет больше ни помнящих, ни узнающих.
Но сердце — как прежде — открытия ждет.
Так в спальном мешке, посредине тайги,
в предутренней рани, сквозь гнев комариный
все чудятся сердцу медвежьи шаги,
да гул поднебесный, да хохот глубинный.
Ни жути, ни страха, ни чувства вины —
лишь трепет волнения и предвкушенья
быть может возможной еще новизны
... или крушенья.

"Любимых не скрывают взаперти..."
А я и спорить с этим не рискую, —
редиска я! Но ты меня прости,
ведь я тогда и впрямь любил другую.
Апрельский вечер свечи задувал.
А я был грустен. Но не с перепою.
И не от той—другой—тебя скрывал,
а просто оставлял с собой собою.
"Себе самой ты более нужна!" —
так я считал, так думаю доныне.
Не мною ты была увлечена,
а чувством собственным: смирением
гордыни —
впервые! — ради якобы любви,
лирического вроде бы героя,
что, может быть, и был в твоей крови
и был желанен — да!.. Но не был
мною.
А мне в те дни не до кривых зеркал —
в прямое чувство искренне летелось.
... Не я тебя к душе не подпускал,
а ей — душе — кривляться не хотелось.

РАССКАЗ АЛЕКСЕЙ РУСАНОВ

СЕМКА-ЧАЛДОН

(Случайная любовь)

Сон был сладостным и бесконечно счастливым.
Он обнимал Фросю, прижимаясь к ее мягкому теплому телу.
Телега качалась, скрипела.
— Тпру-у-у! — сказала девушка...
И тут он проснулся. В убежище под зародом, куда он забрался поздно вечером, в ароматном сене было душно.

Семка пытался отогнать сон. Но снова явственно услышал: "Да, тпру-у, ты, Карька!"

Это был не сон, так же, как и скрип телеги, и храп лошади.

Семка тихо раздвинул сено и увидел морду коня. Позади, с телеги слезала молодая женщина...

Стояла ласковая тихая солнечная осень. По утрам приморáживало. Днем же потоки солнечных лучей так нагревали землю, что золотистая хвоя была горячей, как перина пышной постели. Не хотелось вставать. Ароматы пожухлой травы, пламенеющего листвой багула, хвои и смолы обнаженных лиственниц кружили голову. Семка с трудом пересилил себя и, подобрав кайло, полез в шурф.

Старатели заканчивали сезон. Как на грех или на счастье последние ямы оказались удачливыми. Пошел богатый намыв. Через пять-шесть лотков попадались самородки.

А Семка затосковал. Не радовали тусклые золотинки на дне лотка. Душа томилась, не принесла радость внушительная, в фунта два, доля золота после артельного дележа. Кожаный мешочек он спрятал в укромном месте за речкой под корягой.

Каждую ночь ему снился один и тот же сон.

Он дома. Его встречают мать, отец. Потом с Фросей они убегают за околицу в лесок...

Сердце сильно билось, он просыпался в душном зимовье и страшная тоска овладевала всем его существом. Где-то далеко за Иркутском его дом, а он тут, в тайге на Урюме. Тыщи верст разделяют его с родными местами. Как он доберется до дому, когда? Уже начались ночные заморозки. Скоро кончатся теплые осенние деньки, загудит ветер в вершинах деревьев, сыпанет мелкий дождь со снегом. Как он будет добираться домой?

Он не мог переносить болтовню подельщика Проньки. Молча кайлил и кайлил. Потом выбрасывал из ямы мокрый, тяжелый песок. Лопата скрежетала, натыкаясь на камни. Этот звук рвал душу.

И он решил — сегодня уйдет. Артельный настраивал работать до холодов. Никто не перечил. Фарт шел сам. Бросать такие ямы было безрассудством.

Семка ни с кем не делился своими мыслями. Решение пришло как-то сразу. Заначил три самородка. Никто не заметил. Спрятал их вместе с кожаным мешочком. Прихватил рюкзак с сухарями и куском вяленого мяса.

Солнце еще не коснулось дальней сопки, а он рванул вверх по течению. Шел без передыха до самой темноты, чтобы уйти подальше от артели. Когда на небе заголубела первая звезда, решил остановиться на ночлег. Выбрал место среди сушняка недалеко от речки. Развел костер, натаскал валежника, свалился у огня и тут же уснул. Усталость сделала свое — сон был крепким без видений. Проснулся от холода, костер еле теплился. Пришлось ломать хворост, оживлять огонь. Принес котелок с водой, поставил кипятить чай. Потом с наслаждением пил горьковатый настой из чаги и багула, грыз застарелый ржаной сухарь...

Три ночи коротал у костров. Перевалил хребет, вышел в долину речки Широкой. Останавливался тогда, когда, казалось, бы все силы на исходе и ноги уже не двигались.

Шел по течению речки, зная, что обязательно выйдет на Шилку.

На исходе четвертых суток вдали блеснула лента большой реки.

Ручей сбежал в просторную падь. На опушке березового леска был покос с небольшим зародом и несколькими копешками сена возле него.

Свернул к зароду, зарылся в ароматном сене и заснул сном праведника...

Проснулся неожиданно. Жалко расставаться с видением, действительность рассеяла томительную радость, испытанную во сне.

Семка немного понаблюдал из своего убежища: кроме женщины никого не было, и он выбрался на свободу.

— Чур! Чур меня! Никак чалдон! — вскрикнула женщина, увидев, как около зарода выросла фигура здоровенного, лохматого детины в странной одежде, стоптанных ичигах.

— Чо испугалась-то? Человека не видела? Не боись, ничего я худого не сделаю. Заночевать, вот, пришлось под зародом.

— Кто ты, парень? По всему, не нашинский... Каторжный, ли чо ли?

— Да никакой я не каторжный — старатель. Домой возвертаюсь. До Шилки далеко-ль еще? Кажись, деревня близко...

— До Шилки еще версты три будет. А деревня наша за горой, верст семь отседа, Сычевка, слышал?

Настороженность прошла. Молодая женщина, по всему не из робкого десятка, справилась с первой растерянностью, стояла опершись на вилы возле телеги.

— Никак, по сено приехала?, — спросил Семка.

— Не видишь, что-ли? Знамо дело, с вилами за дровами не ездют.

— А пошто одна? Мужика в доме не нашлось?

— А чо тут вдвоем делать на одной-то телеге — сама справлюсь.

Перед Семеном стояла ладно сбитая, розовощекая женщина среднего роста, в поддевке, цветастом платке. На ногах белые шерстяные чулки и ладные кожаные опорки, в каких ходят здешние женщины.

В фигуре и манере разговора виделась аккуратная, уверенная в себе, самостоятельная деваха, каким палец в рот не клади.

— Ну ладь телегу-то, а я пойду рожу сполосну, потом помогу тебе бастрик затянуть.

— Нужон ты мне больно. Без тебя управлюсь. Иди своей дорогой. А то напужал до смерти, не знашь чо и думать-то: разбойник-каторжный ли чо-ли? Пошто лохматый такой? Страсть божия!

— Поживешь все лето в тайге, небось, одичаешь, — буркнул Семка и, захватив свой полотняный мешок с нехитрыми пожитками, направился к речке.

Солнце уже поднялось и пригревало. Небо разлилось хрустальной синью. Стояла удивительная тишина. Белостольные березы выстроились на опушке немыми зрителями происходящей сцены. Где-то кричала ронжа. Парень поплескался в студеной воде горной речушки и снова почувствовал бодрость и силу в каждом мускуле. Вчерашней усталости, как ни бывало. Молодость, здоровье брали свое.

Он напился ключевой воды, вытерся куском холстины, направился к зароду. Девяха распрягла лошадь, привязала ее около копны сена.

— Звать-то как тебя? — подойдя к телеге спросил Семка.

— Зачем тебе знать. Иди, куда шел.

— Да ты что, ей-богу, боишься что ли? Меня Семеном кличут. Домой иду. Почитай, более пяти годков, как родительский дом не видал. Истосковался по домашней работе. Дай вилы-то, помогу тебе воз сложить.

— Ну, коли есть желание, подавай сено, я топтать буду.

Семен, поплевав в ладони, взял деревянные трехрожковые вилы и начал пластами складывать сено на телегу.

Девяха ловко взобралась наверх, подправляла граблями каждый навильник, притаптывая его ногами.

— Пошто имя не говоришь, чай не сглажу? — снова заговорил Семка, подавая очередной навильник.

— Аленой зовут, чо привязался-то, господи? Какой прок тебе, что узнал, как меня кличут. Уйдешь своей дорогой и не вспомнишь: мало ли кто на пути встренется, всех не запомнишь, как не успевают.

— Хорошие имена, хорошие люди всегда запоминаются.

— Хороший ли, плохой — сразу не разгляди. А любопытной Варваре нос оторвали!

Алена весело расхохоталась.

Семену все в ней нравилось. И проворство и сноровка, с какой она ловко вершила воз и ладная фигура, в которой чувствовались здоровье и сила. Алена разрумянилась, карие глаза из-под мохнатых ресниц искрились и обжигали парня.

— Подфартило мне, быстро воз сгоношили, — сказала женщина, слезая с верхотуры. — Эдак я седни еще раз обернусь, если Карька выдюжит. Слушай, Семен, или как тебя? Ты ж, наверно, голодный. А я, дура, и поесть тебе не предложила! Давай перекусим.

Алена достала из мешка туесок, завернутые в тряпицу шаньги, бутылку молока. У парня глаза загорелись при виде румяной стряпни.

Он набросился на творог со сметаной, доставал деревянной ложкой из туеска. Алена подкладывала ему шаньги, откупорила бутылку с молоком.

Они сидели рядом на сене и женщина с любопытством разглядывала незнакомое заросшее лицо. Загорелый, крупный парень был еще совсем молодой, его старили усы и борода, которых, по всему, многие месяцы не касались ножницы.

— Ну чо уставилась? Не видела голодного человека, — заметив пристальный взгляд женщины, очнулся Семка. Он стал медленнее работать ложкой. — Тебе оставить?

— Да ешь, я еще не оголодала. Молока вот выпью с шаньгой.

— А ты, видать, любишь поесть: вон сколько набрала харчей. Не дивно ль для одной?

— У нас так говорят: едешь на один день, а харчей бери — на неделю. Мало ль что может случиться. Вот, видишь, не зря запаслась — пригодилась стряпня, — Алена радостно улыбнулась.

— Стряпуха-то кто? Сама пекла?

—А кто же. Слава богу, нынче урожай неплохой был, с хлебом и с мясом живем, — ответствовала Алена.

Они уже спокойно без настороженности разговорились. Женщина особым чутьем почувствовала, что этот человек не сделает ей ничего худого.

Семка рассказал о работе в артели. Как с самой весны бродил по таежным речкам, спал у костра, в душных землянках.

— Ты, вроде бы сказывал, что пять лет дома не был. А ране-то где шатался?

— Дом мой далеко, за Иркутском. А в края ваши попал по этапу. Четыре годка на Каре вшу каторжную кормил...

— Осподи, какие страсти ты сказываешь, не врешь-ли? Ради красного словца, поди, заливаешь, неужто и впрям ресторант?

Семка не любил ворошить прошлое. Хоть и не богатое оно у него было, но грустное и угнетало его. Повздорили они на вечорке с парнем-соперником из-за Фроси. Сын местного богатея Фомка встал ему поперек дороги. Бахвалился, задаривал подарками девку, пытался унизить Семку. Там и драться-то было не с кем — сморчек. Он и толкнул-то его не так, чтобы сильно. А тот сковырнулся навзничь и затылком об камень. Не откачали. Помер. Засудили Семку — пять лет каторги. Здоровых, да крепких за Байкал гнали. Там нужны были сильные — копать землю, тачку катать, пески золотоносные мыть.

Кара каторжной славой на всю Россию была известна. На средних промыслах испил он всю горечь тюремной жизни, тяжесть труда в горе и на золотых россыпях. Да, видно, смилостивилась судьба, попал он в то время на каторгу, когда там только что побывал губернатор с инспекционной проверкой. Ужасы каторги стали известны в столице, и царь повелел проверить, верно ли там люди мрут, как мухи, что и хоронить не успевают.

Начальника Карийской каторги губернатор снял. Назначил другого. Кое-какое послабление для каторжан наметилось. К тому же Семка попал в барак к политическим. А с ними робить было легче, не измывались они над новичками. Парень был крепкий. Кайло, лопата еще больше закаляли его тело. Со временем познал науку золотишника, стал промывальщиком. Слушал, как сокамерники книжки читали. Многое было непонятно...

Когда заканчивался срок, в Усть-Каре набирали партию свободных на Урюм. Там, сказывали, удачные промыслы открыли. Соблазнился парень надеждой возвернуться домой богатым. Мечтал о свадьбе с Ефросиней. Когда думал о ней, сердце его сжималось от тоски и боли...

Семка замолчал и увидел, что на глазах Алены появились слезы. То ли жалостливо он живописал каторжную жизнь свою, то ли в голосе его было что-то такое, что растрогало молодую женщину. Она, застеснявшись, вытерла глаза и подала парню бутылку с молоком.

— На, запей, оставила тебе. Натерпелся же ты, парень, вижу, не приведи господь! Мне тоже досталась нелегкая жизнь. Ты девяха правильно угадал, нету у меня мужика в доме. Лонись по весне вместе с конем утонул в Шилке. Попал в полынью и ушел под лед. Под Чалбучами нашли на перекате, когда лед сошел.

С двумя малолетками осталась, да мать-старуха со мной...

Семка принял поданную Аленой бутылку и пальцы их встретились. Его словно огнем обожгла горячая рука женщины. Он сжал ее ладонь своей крупной лапищей вместе с посудиной и не хотел выпускать.

Алена удивленно вскинула глаза, но не выдернула руку. Они молча смотрели друг другу в глаза, и хотелось, чтоб это не прерывалось.

Семка погружался в карий омут повлажневших Алениных глаз, испытывая блаженство, которое неведомо было ему до сих пор. В висках стучала кровь, дыхание прерывалось. Наконец, женщина опомнилась, выдернула руку.

— Чой-то ты уставился, как чумной, бабы не видал?

— Не видал... такой.

— Какой?

— Хорошей. Добрая ты. Вот только добрым счастья нет. Я тоже считал себя добрым...

— Ниче себе добрый? Человека убил...

— Я же тебе рассказывал, как было, как на духу открылся. А ты...

Семен опустил, наконец, взгляд, обиженно заговорил, что никому нельзя доверяться в этом мире несправедливости, никто не поймет тебя, твои страдания и душевные переживания. Откуда у него и красноречие появилось? Лицо его зарумянилось на скулах, глаза сверкали.

— Ну вот и обиделся, — ласково заговорила Алена и ей вдруг страшно захотелось пожалеть этого лохматого, заброшенного парня, погладить по голове, приласкать. Она придвинулась к нему и запустила руку в его шевелюру, пытаясь как бы погладить обиженное дитя.

Семка опешил. Потом схватил руку женщины и начал неистово целовать. Она не сопротивлялась, а удивленно и взволнованно повторяла:

— Да ты чо надумал-то... Что с тобой?..

Семка уже сграбастал ее в свои объятия и целовал в щеки, губы. Все смешалось, помутилось. Они не помнили, как все вышло. Мир ушел из-под ног. Были только горячие поцелуи и ничего вокруг.

Такого Семка еще не испытывал. Он летел в сладостную пропасть, он уже не о чем не мог думать и ничего не помнил. Он жил захватившей его страстью. Пил и пил сладкий яд поцелуя. Дурманящее состояние, казалось, будет длиться вечно и он ни за что не решится его прервать...

Не новичок был Семка в любовных утехах. На средней Каре одаривали его своей благосклонностью вдовушки из свободных и каторжанка из политических. Ранены он был видный и умел хранить тайну.

Но такого с ним еще не случалось.

Молодость, сила, ласковое солнце, золотая осень, а скорее всего эти влажные карие глаза бередили душу, заставляли толчками биться сердце, без вина пьянили его буйную голову.

Первой опомнилась Алена.

Ведьмедь, задавил совсем, лицо мне все исколол... Да постой же...

Семка с новой страстью впился в ее губы, заставив замолчать. Они задыхались.

— Погоди, курмушку сброшу, — освободившись заговорила женщина. Он помог ей освободиться от верхней одежды и прильнул к тугой груди, горячей и желанной.

Алена была покорна и, наверно, тоже испытывала непреодолимое желание слиться в поцелуе, раствориться друг в друге. Они пили сладостный, дурманящий напиток и, казалось, не напьются никогда досыта. Страсть разгорелась с новой силой, захватывая без остатка. Время остановилось. Мир исчез. Были только они двое. Они уже никого и ничего не стеснялись, ни о чем не думали, а судьба вершила свое, погружая их раз за разом в неописуемое блаженство.

Они не помнили, сколько времени длился этот любовный марафон. Проснулись под зародом, когда от деревьев раскинулись длинные тени. Проснулись одновременно лицом к лицу и Семен опять прильнул к ее воспаленным губам.

— Какой ты ненасытный, — проговорила Алена, — нешто можно так. С ума сойдешь от твоих ласк, господи!

— Я никогда такого не знал, что у нас с тобой случилось, — прохрипел Семка. — Неужели это не сон? Вот это самое и есть счастье, которое человек всю жизнь ищет...

— Это ты сейчас так говоришь... А завтра забудешь все... Уйдешь и поминай как звали... Да я ничего от тебя и не хочу. Ты не думай, что мне чем-то обязан... Спасибо тебе, утешил молодую вдову... Полтора года мужской ласки не знала. Такой шальной вовсе не ведала...

— А со своим мужиком, что не так было?..

— Ей богу, Сема, не так... Может нам, за наше терпение, господь послал радость...

— Да брось ты рассуждать, седни наш день. Видно, так судьбе угодно и пусть он будет нашим до конца...

Семка растегнул кофточку и погрузил свою лохматую рожу в белые тугие груди. Он трогал языком темные соски... Алена не вырывалась, а только радостно смеялась, боясь щекотки...

Начало смеркаться. Женщина, вдруг, подхватилась.

— Чо я дома-то скажу?

— Скажешь, колесо слетело. Пришлось воз перекладывать. Или еще что придумаешь, мол, опрокинулась, телега сломалась. Да ты не переживай. Я помогу тебе сено сложить.

— Ничо я не переживаю, — Алена вдруг повернулась к Семке, обвила его шею руками и так обожгла его поцелуем, что у него снова кругом пошла голова, — такое счастье не повторяется, Семушка, люб ты мне, сразу сердцем почуяла. Не могла противиться чувству. Не суди меня строго... Скажешь, похотливая баба...

— Что ты, Алена, да нешто можно? За что тебя судить? Что ты поверила мне, не отторкнула, душу раскрыла, доверилась?.. Я молюсь на тебя...

— Не надо молиться, давай собираться. Вон Карька-то все сено слопал, пить наверно хочет.

Семка повел коня напоить, сам заодно охолонулся в обжигающей ключевой воде. Алена тем временем собрала сено вокруг оставшегося зарода, умело подбила его граблями, сложила остатки еды.

На потемневшем небе вспыхнули звезды, когда они подъехали к околице села.

Семен шел за возом и не знал, что дальше делать.

— Сем, а Сем, — окликнула его Алена. Он подошел. — Ты иди задами, у шестой избы свернешь в огород. Там на краю у бани меня подождешь.

— Баня — это хорошо, — только и мог ответить парень и бодро зашагал за огороды. Он сообразил, что в бане можно переночевать, а на улице нечего глаза мозолить соседям: начнут допытываться, кто, да что, откуда чужой человек.

Он сидел, прижавшись к стене старенькой баньки, когда увидал, как со двора к стайке подъехала Алена. Было уже совсем темно. Она сбегала ненадолго в избу, по всему, объяснила матери свое запоздалое возвращение. Вдвоем быстро управились. Дело спорилось. На огороде, за стайкой, их никто не мог увидеть. Когда сложили сено, вошли в баню. В ней было темно, пахло березовыми вениками, смолой и дымом. И таким далеким, домашним повеяло на Семена, что горло перехватило. Алена прижималась к нему. Опять начались поцелуи... На широкую лавку бросили старый тулуп...

Потом Алена ушла домой, пообещав принести поесть. Семка блаженно растянулся на полке.

Ужинали при тусклом свете огарка свечи. Окно занавесили.

— Дома сказала, что пойду насчет ремонта телеги договариваться, — усмехнулась Алена, — уже и врать научилась...

Она уговорила Семена остаться на день. Завтра истопит баню. Попарится, отоместся потом уж пусть идет, куда надо. Его здесь никто не увидит: дома двое малых детей, да мать-старуха. Пока они в бане мыться будут, пересидишь в леннике. Отоспишься хоть...

Семен согласился. Какое-то подспудное чувство не торопило его уходить, зрело желание вообще остаться здесь с Аленой. Он заглушал его, отбрасывал эту мыслишку и пытался думать о доме, о Ефросинье. Мысли возвращались к Алене. Они будоражили его. Живые и четкие картины недавней встречи с ней, ее поцелуи заставляли быстрее биться сердце, а душа томилась в ожидании ее возвращения.

Он полдня проспал в леннике. Уже протопили баню. Вымылась старуха с ребятами. На дворе был вечер, когда Алена позвала его.

— Дома сказала, стирать белье буду, потом мыться, не ждали чтоб скоро.

В предбаннике на окошке лежала бритва, ножницы, помазок с мыльницей. Семен восхитился догадливостью Алены: он ни о чем ее не просил. Остриг бороду, подправил усы, потом выбрил щеки, подбородок. Из осколка зеркала смотрело молодое, веселое лицо с припухшими, покусанными губами и щегольскими русыми усами.

Его шею обвили горячие руки — Алена раздетая прильнула к его спине.

— Да ты, оказывается, вон какой бравый без бороды, молоденький, — засмеялась она, тоже всматриваясь в зеркало.

Семен обернулся, подхватил ее на руки... Потом уставшие и разомлевшие от любви они не могли наглядеться друг на друга.

Парень впервые видел зрелую женщину вот так близко во всем ее естестве. Алена не стеснялась наготы. Она распустила косы, волосы спускались на белоснежные груди. Покатые плечи, красивая шея, сильные руки, ноги ниже колен были смуглые от загара. Девственная белизна кожи сохранилась лишь в самых заветных местах.

У Семена мутилось в голове, когда он смотрел на ее крепкие, крутые бедра. Женскую красоту, все прелести крепкого молодого тела ему довелось видеть впервые. Он задохнулся от счастья и снова их молодые тела слплелись в любовном танце, который рождает сама природа, и она не требует никакого сценария.

Рано утром, переодевшись в чистое белье, Семка простился с Аленой. Его котомка потяжелела, она набила ее харчами. Сунул ей в руку завернутый в тряпицу самородок.

— Что это?

— На память обо мне. Потом разглядишь, положи в карман.

Огородами ушел в кусты.

До Нерчинска добирался более трех суток. Коротал ночи у костра и шел, шел без передыху, обходя села и случайных встречных.

В середине дня с горы увидел город на берегу речки. Облюбовал место под березой, спрятал половину песка и самородки. Опытные золотишники советовали: не ходи в скупку с полным фартом. Он так и сделал. Золотоскупку долго искать не пришлось. В лавке его принял шустрый приказчик и попросил пройти в боковую дверь.

Там за большим деревянным столом с разновесами сидел урядник, перепоясанный ремнями с шашкой.

— Кто ты таков, мил человек? Документ есть? Может ты, варнак, ограбил кого?

— Помилуй бог, о чем вы, ваше степенство?

Семка развязал котомку, нашарил сверток, достал замызганную, сложенную вчетверо бумагу. В ней сообщалось, что Ямщиков Семен, сын Михайлов, отбывал наказание в Карийской каторжной тюрьме и освобожден по истечении срока. Направляется по месту жительства в Иркутскую губернию.

— А где ты шлялся с самой весны, когда тебя освободили? — строго вопрошал урядник и усы его топорщились.

— В старательской артели робил, на Черном Урюме... Хотел на дорогу сгоношить... Вот хочу сдать песку, чтобы до дому добраться.

— Приказчик переглянулся с урядником, который продолжал напирать на Семку.

— Ноне развелось варнаков: убийства, да грабежи. Распустился народ. Может и ты промышлял на дорогах? Пошто сразу домой не возвернулся? Нарушаешь порядок! Отбывал-то за что?

— Зажали Семку эти двое. И не рад он, что сунулся в лавку. Понял, что подвесили его на крючок. И как сорваться с него? Без денег не один обоз не возьмет и питаться надо.

В мешочке оказалось около фунта песку.

— Что делать будем, приказчик? Может пожалеем парня. Молод еще. Право-дело, запросто на Кару загреметь может.

— Можно и пожалеть. Только рискованно дело-то. Разве что, на свой страх и риск пойти, дак это по самой малой ставке...

— Согласен я, хоть по малой заплатите. Мне б только до дому добраться.

— Двадцать рублев бери и дуй скорей из городу, — вдруг ощерился приказчик.

— Помилуйте! Да за этот песок мне триста рублев положено. За золотник по три с полтиной на Усть-Каре дают!

— То на Усть-Каре. А здесь — Нерчинск. Горный округ тут, Управа. Отведем туда. Пусть разбираются с тобой...

— Умоляю, не губите. Ни в чем я не виновен. Свой срок оттрубил от звонка до звонка.

— Не забывай, за что отбывал! Может, опять за свое взялся, — подливал масло в огонь урядник.

Дали Семке тридцать рублей и он, как ошпаренный, рванул от золотоскупки не оглядываясь.

В кабаке, на окраине, перекусил. Купил хлеба, яиц вареных, сала и двинулся к заветной березе.

Ночевал на берегу речки, подальше от города. Он твердо решил, что домой не вернется. Сердце щемило, когда вспоминал мать, сестру, отца. Перед глазами стояли недавние картины встречи с Аленой. Еще и еще он переживал минуты близости с ней и сердце начинало сильно колотиться. С утра пораньше Семка двинул в Сычевку...

На дворе смеркалось. Алена подоила корову, и с подойником поднималась на крыльцо. Услышала тяжелые шаги и скрип калитки. Обернулась. В воротах стоял Семка. Она вскрикнула, выпустила ведро, оно покатилось по ступеням, разливая парное молоко.

Уткнувшись в плечо Семки, Алена плакала навзрыд.

ПАМЯТЬ

И ЭТО ВСЕ О НЕМ,

НО ЭТО УЖЕ ИСТОРИЯ

25 января 1997 года Владимиру Семеновичу Высоцкому исполнилось бы 59 лет.

Борис Комиссаров

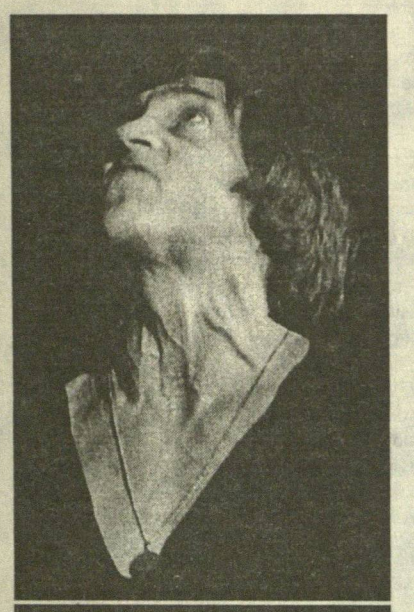
Я на десять моложе, а близко познакомился (через магнитную ленту, конечно) лет двадцать назад. Слышал, но уж слишком заигранные, неразборчивые фонограммы. (Не считая песен из "Вертикали" да еще два маленьких диска, состоящих из разрешенных произведений). Пластинки "достал" году этак 73-м — 74-м, в огромной толкучке-очереди в Иркутске.

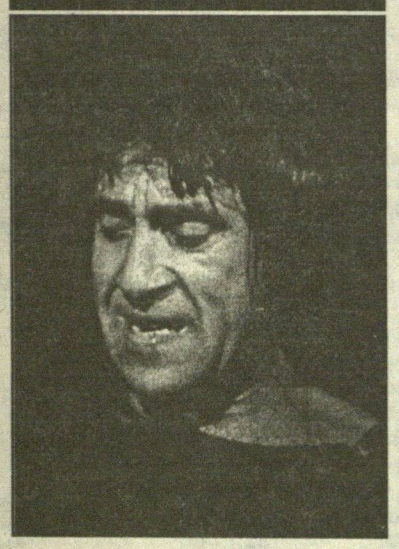
Что же мог узнать я в эпоху цензуры, партийно-однобокой идеологии и информационного голода, живя не в Москве и даже не в Чите, а в захолустном Сретенске? В том старинном, купеческом, партизанском, таежном, без единого коммунального удобства, но с богатой историей и музеем городке, где начинающему литсотруднику районной газеты инструкторы райкома КПСС казались безукоризненно умными и честными…

Так вот, в 1965 году я услышал от приятеля-музыканта: "Товарищ Сталин, Вы — большой ученый". Мелодия легла на сердце, а крамольные слова переписал для себя. Они немного отличаются от текста, исполненного Высоцким в 1963 году, в основе которого подредактированные стихи Юза Алешковского.

Тогда же наш трубач в ансамбле районного Дома культуры любил на репетициях зафитилить во всю свою трубную озорную мощь: "А на нейтральной полосе цветы необычайной красоты!"

В 1967-м попалась на бобине запись песни В. Высоцкого "Про попутчика" ("Хоть бы облачко, хоть бы тучка"). Здесь же были плоховатого качества записи непонятного происхождения. Продолжаю до сих пор сомневаться пел ли Высоцкий вот это: "Колокольчики-бубенчики звенят, наши кони мчались три часа подряд…"

(Про заезжего молодца, корчму и хозяйку, оказавшуюся с хвостом "между левою и правою ногой").

Впрочем, Высоцкий распевал в молодости столько "несвоего", фольклорного или по-своему пересочиненного, что это понятно из редчайших его фонограмм: "Приморили, ВОХРы, приморили" (автор неизвестен), "Я сын подпольного рабочего-партийца" (автор неизвестен). А вот известное с юности: "Когда фонарики качаются ночные" (слова, оказывается, Г. Горбовского), или "Сам я — вятский уроженец" (авторство не установлено, хотя песня на слуху). Или вот еще: то, что замечательно сгодилось бы для сериала с Жегловым в главной роли (это было бы почище "ихнего" лейтенанта Коломбо): "Суд идет и вот — процесс кончается", "Была весна, весна-красна", "Полуночная комната, дым папирос". И, наконец, шедевр свободного владения уголовно-русской речью, даже с матерком в одном фразеологическом обороте: "Шныряет урка в ширме у майданщика, бродит фраер в тишине ночной". (Да еще ведь смеется, хулиган, предваряя ее, песню, своим примечанием: "Любимая папина песня!"). Многие знают и это: "Когда с тобой мы встретились, черемуха цвела… Лепил за скоком скок я, а на утро для тебя хрусты кидал налево и направо". Особенно потрясающе звучит окончание:

"Сижу я в "несознанке",
жду от силы "пятерик",
Но вдруг случайно
вскрылось это дело.
Пришел ко мне Шапиро —
защитничек-старик,
Сказал:
"Не миновать тебе расстрела".

В узкой аудитории Высоцкий часто пел русские романсы. Он и сам создавал фольклор. Ведь если песню "Речечка" (Высоцкий предупреждал: "песня не моя") я слышал в трех совершенно разных вариантах — Высоцкий настолько "пропустил" через себя стихи и мелодическую основу, так ее индивидуализировал, что стал просто новым автором. Песня-то как будто бы о дореволюционном кандальнике, а Высоцкий вдруг вставляет: "Молодая да комсомолочка в речке ножки мочит", а в другом куплете нежно так называет: "молодая проституточка". В. Познер в телепрограмме "Мы" (посвящалась дате рождения Высоцкого) отметил, что Высоцкий дал нашему поколению язык и необходимые слова, чтобы сказать о том, что чувствовали все, но точно выразить не могли.

Помню появление маленького сборничка "Нерв". Посмертная книжечка невероятного идеологического дефицита, распределяемого, как и прочий дефицит, обкомом, доставаемая за бешеную цену из-под полы, перепечатываемая, перефотографируемая, переписываемая, тайно ксерокопируемая.

В 1985–86 мы пользовались любой возможностью записать кассету с Высоцким. В наших редких тогда киосках звукозаписи полагалось иметь утвержденный список с печатью и разрешалось тиражировать ограниченное число произведений из уже опубликованных в "Нерве". Но по-тихому, под прикрытием разрешенного, мы записали десяток кассет.

Первый прорыв в печати Читинской области произошел 5 апреля 1987 года, когда "Забайкальский рабочий" под рубрикой "Вечера" напечатал заметку: "Посвященный Высоцкому" о вечере, организованном в пос. КСК библиотекой и музыкальной школой, в котором я устным рассказом и магнитофоном был основным участником. Не зря осторожничал орган обкома. Даже и этой маленькой заметкой, набранной самым мелким шрифтом — нонпарелью — выразил неудовольствие секретарь обкома КПСС.

Гласность крепчала: в 1988-м, 14 мая в дорожной газете "Забайкальская магистраль" выходит почти на полосу моя статья: "Владимир Высоцкий: негасимый свет". В эти же дни в Читу приехала передвижная фотовыставка о жизни и творчестве Владимира Высоцкого. И редактор газеты Лева Козельский (ныне покойный) отпечатывает дополнительно 150 экземпляров для посетителей художественного музея, где экспонировались фотоработы.

21 июля того же года "Забайкальский рабочий" печатает "Заметки зрителя. Памяти поэта" — довольно большой материал о показанном в Чите спектакле Государственного русского драматического театра Эстонской ССР "Концерт Высоцкого в НИИ" по пьесе Марка Розовского.

Январь 1989-го. В двух номерах "Комсомольца Забайкалья" выпускается моя статья "Ранний Высоцкий", 25 июля там же подборка менее известных стихов Высоцкого.

Теперь уже не коллекционирую каждое слово о Высоцком — с этим не справится и целое научное учреждение с компьютерами. Одних только заголовков из "Российской газеты", в которых содержится прямое или косвенное цитирование Высоцкого, — сотни.

Включаю телевизор (декабрь 1996 г.): Аман Тулеев в "Моменте истины" декламирует Андрею Караулову: "Мне есть что спеть, представ перед Всевышним".

На НТВ ведущая программы "Деньги" вспомнила вдруг, что сатирики в 60-х годах задавались вопросом: "Почему нет золота в стране?" Что ж, включаю кассету:

Потеряю истинную веру —
Больно мне за наш СССР:
Отберите орден у Насеру —
Не подходит к ордену Насер!
Можно даже крыть с трибуны матом,
Раздавать подарки вкривь и вкось,
Называть Насера нашим братом, —
Но давать Героя — это брось!
Почему нет золота в стране?
Раздарили, гады, раздарили!
Лучше бы давали на войне, —
А Насеры после б нас простили.

1964 г.

Когда в Москве началось движение за создание музея Высоцкого, наш известный земляк, профессор Борис Ильич Кузник отправил на счет 142514 в Таганском отделении промстройбанка (в феврале 1990 г.) 50 рублей. В списке из 178 человек и организаций его имя (с указанием: г. Чита) под № 126. Есть там пожертвования и в 1, 3, 5, 7 рублей. Алла Демидова отдала две тысячи, ремонтно-строительный кооператив "Горизонт" из Казани и правление Союза кинематографистов — по пять тысяч, аптека № 129 села Знаменка Красноярского края — 12 рублей.

В 1976 году удалось получить из областного радиокомитета нелегально записанную бобину с Высоцким. Я жадно насыщался до тех пор, пока не достиг состояния… В общем, достаточно было полминуты любой беседы, любого обыденного трепа с друзьями и знакомыми, как включалась реакция на произнесенное слово или выражение (вот: "К нам можно даже семьями, с друзьями и знакомыми…" — "Товарищи ученые…"). Реакция, будто на некий условный знак или сигнал. И тут же следовала строчка Высоцкого, связанная с этим словом и с его смыслом. К примеру, проскользнуло слово "говорить" в каком-то контексте. — "Ну о чем с тобою говорить, все равно ты порешь ахинею". (Не предложить ли ГКЦМ В. Высоцкого игру, наподобие "Угадай мелодию"? Абзац любого наугад текста и — кто больше выдаст с него фраз. "Ошибаться, — как говорит Валдис Пельш, — нельзя").

В этом смысле Высоцкий энциклопедичен, как Пушкин — энциклопедия русской жизни. И правда: огромен запас ситуаций, переживаний и решений Высоцкого — автора и его персонажей. Гармонизированы форма воздействия на слушателя, ритм, музыка, — этакий "сердечный стук"; завораживает тембр голоса и интонация. Поэтому и 19-й век, и век 21-й — его Современники. ■

ВЕРА

ЧТЯ БУКВУ, ТЫ ПОПИРАЛ ЕГО

Екатерина Сидорова, филолог

Задумываясь над жизненной суетой, современный человек все чаще стал обращаться к Богу. Каждому хочется знать: что же такое счастье, для чего человек появляется на свет, чтобы снова уйти в небытие? Отыскивая ответы на свои вопросы люди вступают на путь веры. Читают книги Священного Писания — БИБЛИЮ. Я хочу предостеречь изучающих Библию — тех, кто читает ее в поисках веры, подстерегает соблазн примерять истину к себе, как удобнее. Принимать то, что нравится и обходить стороной то, что не нравится. У того, кто читает с верой, открыты глаза и сердце, и он черпает из книги все новые и новые знания. И, если от неверующего человека мудрость скрыта, то не нужно думать, что ее можно найти упорным трудом сравнений, подсчетов и различных умозаключений.

Сложно тем верующим, которые пришли в поисках веры в какую-либо конфессию, ведь этим они сразу же оградились от других верующих — своих братьев и сестер. Так в чем же дело? Почему христиане не просто христиане, а католики, протестанты, православные. И все с уверенностью утверждают, что именно они соблюдают истинную веру, что именно их молитвы доходят к Богу, и что именно они спасутся. Кто же из них прав? Ведь истина одна, а претендующих много, и у всех свои доводы. Обратимся к Библии. В Евангелии от Марка (9.41) читаем: "...потому что вы христовы". Как просто и лаконично! Я — христианин — и этим все сказано. Я принадлежу Христу, а не какой-либо конфессии, проповедующей Его. Иисус предостерегал не зря: "Всякое царство, разделившееся в самом себе, опустеет" (Матф. 12.25). Так почему же столько лет, имея перед собой эти слова Учителя, верующие все же разделились? Ведь Царство Христа — это тело Христа — это все мы, как же тело разделилось в себе? "Вы тело Христово, а порознь — члены" (1 Кор. 12.19). Если же сами верующие, а скорее те, кто их ведет за собой, верят в единение только через их конфессию, то они обманывают себя и других, и противоречат своими убеждениями Писанию. "А если бы все были один член, то где было бы тело?" (1 Кор. 12.19). Сколько предостережений по этому поводу в Библии и все равно продолжают куда-то вести "слепые вожди слепых людей"."А если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму" (Матф. 15.14).

А объясняется это разделение достаточно просто — в различном трактовании и исполнении Закона, т.е. Ветхого Завета, который для верующих уже 2000 лет назад должен был стать всего лишь историей, введением в Новый Завет.

Но он остается по-прежнему причиной споров и разногласий, конфликтов, а главное — разделений людей, которые должны быть едины — "христовы". Поэтому человеку, избравшему путь веры, нужно понять главное — если основой вероучения какой-либо конфессии является Ветхий Завет — не верьте этим людям. Иисус Христос называл их просто книжниками. Они не видят жизни дальше написанной буквы и тем более не видят за этой буквой самого человека, не могут научить его на деле, в жизни применить главную заповедь — "возлюби". И нет ничего важнее для верующего как научиться любить, а не с рвением или покорностью исполнять устаревшие обряды или выдуманные прихоти своих проповедников. Бог вездесущ. И если ты груб с окружающими — ты груб с Богом, и ты не выполнил его Завета, и не оправдаешься тем, что молился без икон или с иконами. Чтя букву, ты попирал Его всюду в своей жизни. Простит ли Он тебе это? Верить — значит любить.

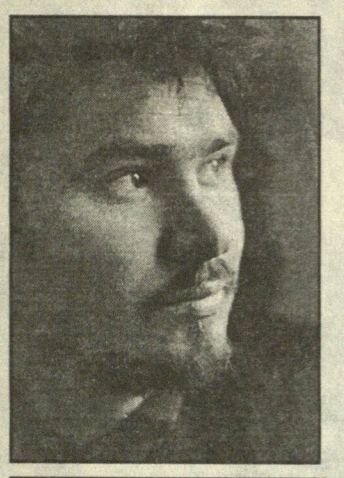
Все проповедники приходят под именем Христа, как под знаменем, которым можно прикрыть и лукавство, и хитрость. Они, говоря красивые слова, выбирают такие места в Библии, которыми можно оправдать любые действия в глазах непросвещенных верующих. А те будут выполнять возложенные на них обязанности, платить если "положено" деньги, соблюдать обряды и искренне верить своему проповеднику. Главное, быть зрячим самому и понять, что вера в любви, а любовь приведет к единству. В любой храм или церковь вы приходите к своему Отцу Небесному по желанию сердца, а не для формального выполнения определенных ритуалов. А разве не философствуют по телевидению ежедневно иностранные проповедники, не обольщают людей своим красноречием. Но может быть обывателю то и нужно — слушать и делать вид, что приобщаешься к чему-то духовному. На деле все оказывается не так-то просто: легче свечку в церкви поставить, чем просто не обижать и помогать. "Будьте же исполнители слова, а не слышатели только, обманывающие самих себя" (Иак. 1.22). Что проку ходить на все проповеди, соблюдать посты, молиться, если душа наполнена злобой и раздражением? А тот, кто исполнит заповедь любви, даже не подозревая об этом и не считая себя верующим — тот и будет оправдан Высшим Судом. Просто удивительно, что верующие за 2000 тысячи лет не уразумели, что весь Новый Завет только об этом и говорит. Верующий в Христа оправдан от всех грехов верою. Остается только исполнить данные в Новом Завете заповеди, которые сводятся к одной — возлюби!

Дело не в соблюдении обрядов и традиций (это дело только священнослужителей), а в том, чтобы помочь соседу, сделать своими руками нужное людям, быть там, где в тебе нуждаются, нести радость и любовь. Просите у Бога в молитве не материального, а мудрости, разума, умения отделять хорошее от плохого. Накормите голодного, отдайте лишнее нуждающимся, не браните, за все благодарите Бога, ведь даже плохое с вашей точки зрения — со временем становится осознанием чего-то важного на жизненном пути.

Духовность не предполагает знаний всех законов, трактования всех Священных писаний, исполнения всего, что пришло к нам из древности. Духовность — смирение и любовь. Не ищите себе учителей и наставников. Один Учитель у всех верующих — Христос. Верьте, что он с вами и ступайте смело.

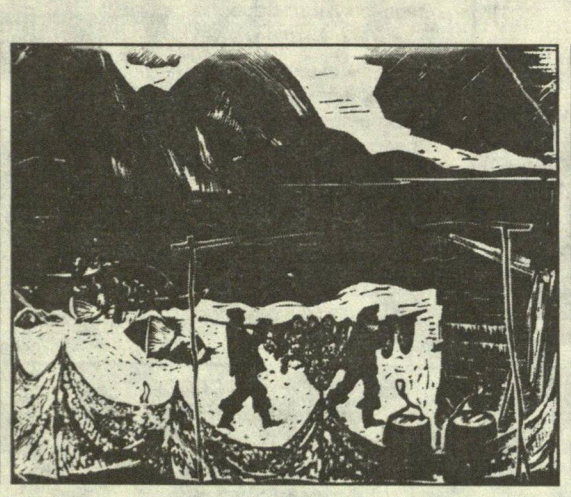
ВЕРНИСАЖ

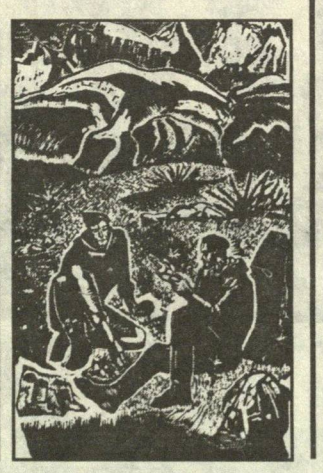

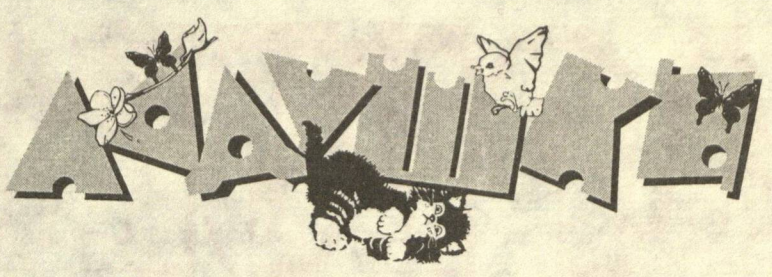
Владимир Пинигин –

это четкая линия резца, изящная вязь пейзажного этюда, динамичная композиция графического листа.
Его черно-белые работы наполнены цветом, они жизнерадостны, светлы и умны.
Володя Пинигин — это остроумие, нерасхожий взгляд на прозу читинского быта, щедрая душа и ранимое сердце.
Володя — это завидная работоспособность, яркий талант, дарованный родителями и Богом.
Владимир Дмитриевич Пинигин слишком рано ушел от нас, оставив на долгую память и в наследство свое творчество.
Сегодня Володе было бы всего 58 лет.

Еж листочки собирал,
В свой домишко их таскал.
Этот — коврик на стене,
Этот — скатерть на столе,
Вот дорожка на полу,
А постель — она в углу.
Здесь помягче надо стлать,
Тут сыночек будет спать...
Мать с ежонком в дом вошла
И была удивлена.
Вот так папа! Вот так еж!
До чего ж наш дом хорош!

* * *

Тихо в лес зима вошла,
Тайно вьюги принесла,
Разметала их рукой,
Понеслись они толпой.

Валентина Трухина

Испугалась елочка,
Спрятала иголочки.
Если ветер их сорвет,
Как встречать ей Новый год!
Не спасти бы елочке
Хрупкие иголочки,
Да, спасибо, Дед Мороз
Шубу теплую принес.
Шубка елочке к лицу,
Ей не холодно в лесу.
Пусть метель теперь метет,
Елка в гости к нам придет.

ПЕСЕНКА НА КАЧЕЛЯХ

Ну пока!
Ну пока!
Полетели в облака.
Страшно.
Ха-ха-ха!
Ха-ха-ха!
Вот и сели в облака.
Мягко.
Посидим,
Поглядим,
Да обратно полетим.
Славно.
Чепуха,
Чепуха,
Что набили мы бока.
Больно.
Но мы довольны.

Привет, "Ладушки"-оладушки! Прошлый раз вы напечатали стихотворение "Наш класс" Игоря Шальнева. Да знаю я его, вместе на "китайке" шамшурили! Если он пишет стихи, то что я — хуже, что ли?
Санька Аверин

НЕУЧИ И ЗАУЧИ

Говорят нам заучи:
— Вы, ребята, неучи!
Говорят нам заучи,
Двойками играючи.
Вам бы арифметику
Вбить в свою натуру,
Как легкоатлетику,
Проще, физкультуру.
А правописание
Знать бы, как приколы.
Вы б тогда заранее
Стали честью школы.
Не были бы неучи,
Стали бы, как заучи:
Школою заучены,
Неучью замучены!

Георгий Граубин

ЗАПИСИ НА ПРОМОКАШКЕ

Есть родня не только у меня —
У Луны и Солнца есть родня!
Коль Земля дочь Солнца, то Луна
Внучка Солнцу — дочь Земли она.

* * *

Волк щекотки не боится,
Потому что он зубаст.
И жена его, волчица,
Щекотать себя не даст.
Для щекотки не годятся
Козодои и сычи.
Если хочешь щекотаться,
Сам себя пощекочи.

* * *

На всю школу известным
Стал Саидов Саид,
Ибо думает местом,
На котором сидит!

* * *

Что за блюдо КУЛЕБЯКА?
Страшно есть ее, однако.
Я готов отведать КУЛЕ,
Только сами ешьте БЯКУ.

ДРЕВЕЗГИ

СИБИРЬ В БЫЛИНАХ И БУХГИНАХ

При слове Сибирь в памяти невольно всплывают три могучих имени: Ермак, Колчак и Собчак.

ЕРМАК ТИМОФЕЕВИЧ — ПОКОРИТЕЛЬ СИБИРИ. Год рождения неизвестен. Место рождения — тоже. По одной из версий дед его был суздальцем, посадским человеком Афанасием Григорьевичем Алексиным. Его сыновья Родион и Тимофей ушли на Чусовую в земли Строгановых. У Тимофея родился сын Василий.

"И оной Василей, — говорится в одной из летописей, — был силен и велеречив и востр, ходил у Строганова на стругах в работе по рекам Каме и Волге, и от той работы принял смелость и, прибрав себе дружину малую, пошел от работы на разбой и от них звашася атаманом, прозван Ермаком".

В 1581–1584 годах Ермак со дружиною совершил свой знаменитый поход во глубину Сибири, который и прославил его в веках. Ныне за Уралом нет ни одного толкового застолья, чтобы под занавес кто-нибудь не затянул, не щадя голосовых связок: "Ко славе страстию дыша в стране суровой и угрюмой на диком бреге Иртыша сидел Ермак, объятый думой".

В августе 1584 года сибирский хан Кучум неожиданно напал на дружину Ермака и уничтожил ее.

Спасаясь от преследования, Ермак бросился вплавь к стругу, но утонул под тяжестью кольчуги в Иртыше.

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ КОЛЧАК (1873–1920) — ОСВОБОДИТЕЛЬ СИБИРИ. Родился в Петербурге в семье морского офицера-артиллериста. Адмирал царского флота. Участник русско-японской войны, двух полярных экспедиций. В годы первой мировой войны — командир минной дивизии на Балтике, командующий Черноморским флотом.

В октябре 1918 года в компании с английским генералом А. Ноксом прибыл в Омск, чтобы "разобраться" с большевиками. 4 ноября был назначен военным и морским министром Сибирского правительства. Еще через две недели установил военную диктатуру, провозгласив себя "верховным правителем Российского государства" и Верховным Главнокомандующим.

До начала 1920 года предпринимал героические, но безуспешные попытки очистить Сибирь от большевиков. Был разгромлен и оказался пленником иркутского ревкома.

В ночь с 6 на 7 февраля в камеру адмирала вошли большевики Чудновский и Бурсак и сопровождающие их товарищи. Бурсак предложил адмиралу завязать глаза. Колчак отказался. Спокойно и мужественно встал лицом к строю. Прогремели выстрелы.

Чтобы не канителиться и не рыть могилу в мерзлом грунте, палачи в пять утра сбросили тело адмирала в прорубь Ангары.

АНАТОЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ СОБЧАК — РЕФОРМАТОР. Родился в 1937 году в Чите. Но всенародную известность стяжал не в сибирской тайге, а в столицах — от первого, второго, третьего, пятого микрофонов Кремлевского дворца. Председатель Ленинградского совета народных депутатов, член Политического консультативного Совета при Президенте СССР, член межрегиональной депутатской группы, сопредседатель Российского движения демократических реформ, мэр Санкт-Петербурга.

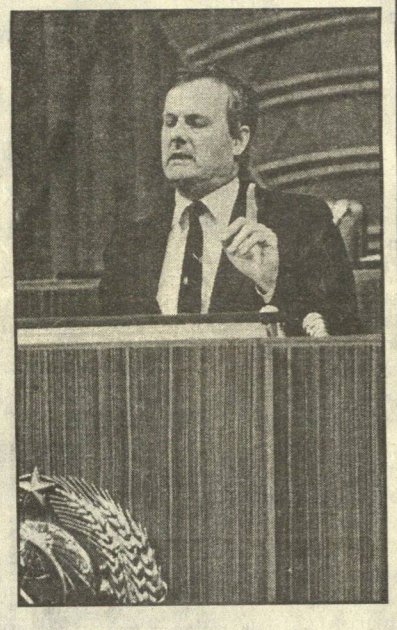
Автор бестселлера "Хождение во власть".

Лауреат французской "Премии памяти". Не за "Хождение...", а вообще, по совокупности — "за наибольший вклад в восстановление и сохранение исторической памяти народа". В первую очередь, конечно, сибиряков.

Прервал роковую предопределенность судеб своих великих предшественников, совершив на Играх доброй воли исторический заплыв в двадцатиметровом крытом бассейне. Событие

Александр Алешкин

ОТ ЕРМАКА ДО СОБЧАКА

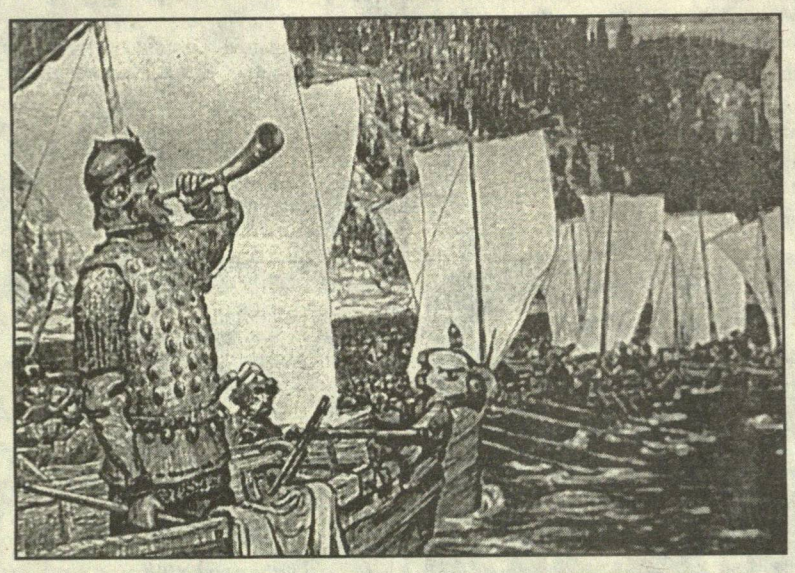

транслировалось телевидением на 45 стран мира. Земляне с тревогой следили: доплывет, не доплывет?

Доплыл.

Который неразумный — бросается в реку в кольчуге. Который поумней — в плавках и в бассейн.

В последнее время вновь пытается выплыть в большую политику.

БОЛЬШАЯ ШИШКА

Переговоры нашей делегации, возглавляемой лично шефом, с китайской компанией, куда мы прибыли по их любезному приглашению, завершились успешно. Выработанное направление сотрудничества обещало хорошую прибыль.

В честь этого события и в связи с нашим отъездом китайская компания устроила банкет. Ресторан, в котором намечалось пиршество, находился в пяти минутах от гостиницы, где мы проживали. В назначенное время за нами пришел представитель компании и вскоре мы оказались в банкетном зале. Нас радостно встретил директор компании и лично каждого усадил за круглый стол, плотно уставленный блюдами китайской кухни.

После нескольких тостов с непременным "гом-бэй" (пей до дна) прошла скованность и началось непринужденное дружеское общение через переводчика китайской компании. Переводчик не отличался высокой квалификацией: смешно искажал слова, путал их, но это еще больше настраивало на веселый лад.

В разгар общения в зал вошел представительного вида китаец в строгом костюме административного работника. Директор компании бросился к нему и, схватив обеими руками за его руку, протянутую для приветствия, подвел к шефу, тут же к ним подбежал переводчик и представил нам вошедшего как большого начальника. Высокий гость произнес тост и, сославшись на неотложные дела, покинул нас.

Представляли большому начальнику нашего шефа коротко — "капитано". Это заело меня. Видимо, китайские друзья не знают, что наш шеф тоже не лыком шит. Ведь он и руководитель высокого уровня, и заслуженный работник, и депутат. Я встал, чем сразу привлек к себе всеобщее внимание и, учитывая квалификацию переводчика, дружеский настрой участников застолья, коротко сказал:

— Наш шеф большая шишка!

Переводчик посмотрел на потолок, словно в русско-китайский словарь, затем опустив глаза, задумчиво пошевелил губами и, испуганно взглянув на шефа, что-то перевел. Лица наших друзей сразу погрустнели. Они начали что-то обсуждать между собой, тревожно поглядывая на шефа.

— Лекарства надо? — спросил переводчик, услужливо глядя на шефа.

— Лекарства много! — улыбаясь вставил я, показывая на горячительные напитки на столе. Китайцы вяло отреагировали на мою шутку, их волновало тревожное выражение лица шефа, непонимающего, что происходит.

Переводчик спросил:

— Гостиницу надо? — вызвал полное замешательство в наших рядах.

— Больницу надо? — прервал затянувшуюся паузу очередным вопросом переводчик, страдальчески глядя на шефа.

— Зачем в больницу? — испугано вытаращив глаза, спросил шеф, наконец включившийся в переговорный процесс.

— Шишка не болит? — после его слов радостно воскликнул переводчик.

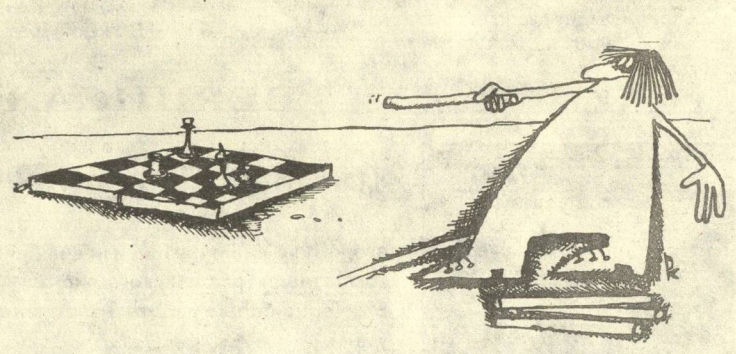
— Братцы! — тут же воскликнул начвнеш — я все понял! Он же им перевел, что у шефа большая шишка! — и закатился неодержимым смехом.

Просмеявшись, начвнеш подошел к переводчику и долго объяснял ему различные значения слова "шишка". Наконец тот понял. Его глаза сначала максимально открылись, а потом вообще исчезли под улыбкой, с которой он и объяснил своим коллегам происходящее. После чего дружный хохот потряс застолье.

Шеф попросил нас, по понятным причинам, не распространяться о случившемся. Но разве шило в мешке утаишь? И вскоре многие с улыбкой обсуждали большую шишку шефа.

Николай РУДЕНЕЦ.

Рюрик Карасевич

А ВОТ ТАК

Александр Боришполец

Обалдели парни.
Что им здесь — смотрины?
Словно кукла—Барби
В зеркале витрины.

То-то было версий
О губной помаде...
А какие перси
Спереди и сзади!

Арматурщик Юра
Пятого разряда,
Говорит: "Фигура
У нее что надо!"

Кровь из носа, парни,
Дам два плана, на спор?
Лишь бы эту Барби
Мне вписали в паспорт".

Бригадир на Юру
Явно бочку катит:
"Обуздай натуру —
Сил на баб не хватит".

Юрика заносит,
Юрик знает дело:
"Открывайте! — просит —
Я из финотдела..."

Но, перебирая,
Ведра и корыта,
Продавщица Рая
На учет закрыта!

«ЧИТА ЛИТЕРАТУРНАЯ»

ИЗДАТЕЛЬ
ООО «Азия-пресс»
Тел.: 3-90-08, 3-88-16

Выходит один раз в месяц.

Зак. № 172

Набор и верстка
АО СТС г. Чита.

Печать в обл. типографии.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
Леонид Аверьянов,
Николай Березин,
Михаил Вишняков,
Георгий Граубин,
Евгений Куренной,
Юрий Круглов,
Михаил Константинов,
Рюрик Карасевич,
Эдвард Маковский,
Евгений Минашкин,
Федор Машечко.
Игорь Портнягин
Вячеслав Толкалин